

Х.У. Юсупов

ПЕРЕВОД ФАНТАСТИКИ: СОЗДАНИЕ НОВЫХ ВЫМЫШЛЕННЫХ РЕАЛИЙ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; khalid.iusupov@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется феномен создания новых реалий как способ передачи реалий вымышленного мира (особая разновидность лингвистических реалий, также известная как «квазиреалии» и «ирреалии» (irrealia), служащая для описания всех аспектов фантастического мира: флоры и фауны, быта, социально-политического устройства и т.д.). Создание новой реалии трактуется как включение в текст перевода лексической единицы, частично сохраняющей связь с исходной вымышленной реалией и связанным с ней референтом либо устраняющей эту связь полностью. В случае, когда новая реалия сохраняет связь с исходной лексической единицей и ее референтом, происходит создание новой реалии-слова, что во многом представляет собой попытку вторичной номинации исходной вымышленной реалии оригинала, нежели непосредственный перевод. Данный вид создания новых реалий отчасти напоминает модуляцию, но отличается от нее невозможностью установления прямых зависимостей по типу «часть — целое», «причина — следствие» и т.д. Создание новой реалии с устранением связей с оригиналом, в свою очередь, подразумевает создание новой реалии-предмета, собственного изобретения переводчика, отсутствующего в оригинале, что отчасти напоминает адаптацию, но не обязательно является ею. В обоих случаях создание новой реалии представляет собой творческий процесс, обусловленный личностью переводчика и его авторским видением оригинала. Создание новых реалий продемонстрировано на примере переводов реалий из романов Е. Замятина «Мы», О. Хаксли «О дивный новый мир» и Дж. Оруэлла «1984».

Ключевые слова: ирреалии; квазиреалии; перевод; реалии; реалии вымышленного мира; фантастика.

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-9

Для цитирования: Юсупов Х.У. Перевод фантастики: создание новых вымышленных реалий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 107–115.

Передача безэквивалентной лексики традиционно является одной из основных тем природоведческих исследований. В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентную лексику как «единицы ИЯ, которые

Юсупов Халид Умалтович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, khalid.iusupov@yandex.ru

не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров, 1990: 147]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, в свою очередь, трактуют данный термин как «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо иноязычным лексическим понятием» [Верещагин, Костомаров, 1990: 42]. Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, к безэквивалентной лексике можно отнести целый ряд лексических единиц: реалии, имена собственные, междометия, звукоподражания, фразеологизмы, аббревиатуры, термины и т.д. [Влахов, Флорин, 1980: 47]. При этом особый интерес у исследователей, занимающихся вопросами безэквивалентности, вызывает передача реалий. Высокий интерес исследователей к проблеме передачи данного вида лексики обуславливает наличие различных подходов к определению термина «реалия»: с одной стороны, реалии могут трактоваться как культурно-специфические предметы, понятия и явления объективной реальности (реалии-предметы), а с другой — как лексические единицы, слушающие для их обозначения (реалии-слова). Так, А.В. Федоров отмечает, что реалия — это «экстралингвистическое понятие», в связи с чем нельзя говорить о переводе реалий как таковых [Федоров, 2002: 152]. Словосочетание «перевод реалий» исследователь понимает как терминологическую ошибку, поскольку переводу могут подвергаться только «названия реалий» [Федоров, 2002: 171]. С. Влахов и С. Флорин, в свою очередь, трактуют термин «реалия» как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. При этом исследователи отмечают, что реалии, будучи носителями национального и / или исторического колорита, зачастую не имеют эквивалентов в языке перевода, в связи с чем не поддаются переводу на «общих основаниях», требуя «особого подхода» [Влахов, Флорин, 1980: 47]. Помимо вышеуказанных подходов к определению термина «реалия», также можно выделить еще один, связанный с исследованиями в области когнитивной лингвистики. Как отмечает О.А. Корнилов, «национально-специфические сенсibiliиты порождают национально-специфические концепты, которые, имея в языке лексические соответствия, образуют в лексической системе этнического языка пласты национально-специфической лексики» [Корнилов, 2003: 147]. Иными словами, воспринимаемый тем или иным языковым коллективом фрагмент внешнего мира получает свое словесное воплощение, преломляясь через сознание этноса. При этом непосредственно лингвистические реалии можно трактовать как словесное выражение культурно-специфических концептов, отсутствующих в сознании носителей других языков и культур.

Понятие лингвистической реалии может быть перенесено в плоскость вымышленных миров: как правило, вымышленные миры наполнены различными предметами, понятиями и явлениями, являющимися отличительной чертой данного мира и не имеющими полноценных аналогов в реальности. Лексические единицы, служащие для обозначения данных предметов, понятий и явлений, можно охарактеризовать как особый вид реалий, функционирующий в рамках жанра фантастики. Исследователи выделяют несколько терминов для обозначения данного вида реалий: квазиреалии, реалии вымышленного мира и ирреалии (*irrealia*). Так, Ю.Е. Тараканова определяет квазиреалии как «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [Тараканова, 2009: 295]. При этом, как отмечают И.А. Бубнова и С.В. Рогатова, квазиреалии, будучи искусственно созданными лексическими единицами, зачастую не имеют готовых соответствий в языке перевода [Бубнова, Рогатова, 2022: 154]. Данная проблема усугубляется тем обстоятельством, что квазиреалии нередко являются единицами вымышленных языков [Бубнова, Рогатова, 2022: 154]. Термин «ирреалии» (*irrealia*), предложенный финским исследователем М. Лопоненом, в свою очередь, трактуется как «знаки, с помощью которых вымышленный мир обретает свою фантастичность и откалывается от реального мира, утверждая свою независимость непосредственно в качестве вымышленного конструкта; при помощи данных знаков вымышленный мир также может обозначать свою принадлежность к другому вымышленному миру, зависимость от него, или наличие с ним интертекстуальных связей» [Loponen, 2009: 167]. Таким образом, реалии вымышленного мира, так же известные как «квазиреалии» и «ирреалии», представляют собой особый вид лингвистических реалий, служащий для описания вымышленного мира во всех его аспектах. Вымышленные реалии указывают на точки пересечения и несовпадения между реальностью и вымыслом, благодаря чему фантастические миры и обретают свою фантастичность.

Вымышленные реалии наследуют все трудности перевода, связанные с реалиями обычными: в языке перевода может не быть готового соответствия для исходной лексической единицы, при этом остается актуальной проблема сохранения колорита, в данном случае фантастического. Возможность передачи вымышленных реалий при помощи подбора готовых соответствий зависит от степени мотивированности той или иной реалии невыдуманно лексическими единицами: реалии, представляющие собой авторские неоло-

гизмы, как правило, плохо поддаются переводу и требуют применения различных способов передачи безэквивалентной лексики (калькирование, транскрибирование, транслитерирование, подбор функционального аналога и т.д.), в то время как реалии, представляющие собой или имеющие в своем составе невыдуманнные лексические единицы, обычно поддаются переводу (впрочем, это не означает, что вымышленные реалии данного вида всегда передаются при помощи подбора готового соответствия). Анализ переводов классических и современных романов-антиутопий («Мы» Е.И. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла и «Не отпускай меня» К. Исигуро) позволил нам выделить ряд основных способов передачи реалий вымышленного мира, которые во многом пересекаются с уже известными способами передачи безэквивалентной лексики. Так, основные способы передачи вымышленных реалий включают: транскрибирование и транслитерирование (prole — прол; versificator — версификатор), калькирование и полукалькирование (newspeak — новояз; bokanovskification — бокановскификация), подбор готового соответствия (Organ Store — склад органов; The Ministry of Peace — министерство мира), применение трансформаций (telescreen — монитор (генерализация)), введение в текст произведения функционального аналога (numerator — intercom) и адаптацию (goodwise, goodthinkwise — жабный, жабно (примеры, объясняющие принцип работы новояза из романа Дж. Оруэлла «1984»)). Однако есть и такие способы передачи вымышленных реалий, которые нельзя назвать характерными для передачи всех реалий. В частности, к ним относятся: передача реалии при помощи переводческого неологизма (Organ Store — органохранилище), передача реалии при помощи введения имени собственного (ice cream soma bar — бар «Сомороженое»), а также создание новой реалии. Мы бы хотели остановиться подробнее именно на анализе последнего способа передачи реалий вымышленного мира.

Под созданием новой реалии мы понимаем введение в текст перевода собственного изобретения переводчика, при котором связь с исходной лексической единицей и стоящим за ней референтом либо сохраняется частично (в таком случае уместно говорить о создании новой реалии-слова, обозначающей тот же самый феномен вымышленного мира), либо устраняется полностью (в данном случае переводчик привносит в текст произведения и новую реалию-предмет). Существование данного способа передачи вымышленных реалий обусловлено, с одной стороны, творческой природой переводческой деятельности, а с другой — самой природой жанра фантастики и его основной функцией — конструиро-

ванием миров, не похожих на реальность. Применяя данный способ передачи вымышленных реалий, переводчик превращается в полноценного соавтора фантастического произведения, привнося в оригинал частичку собственного видения оригинала и стоящего за ним вымышленного мира. С этим обстоятельством связана и основная трудность, сопровождающая создание новой реалии: велик риск существенно изменить семантику и дух оригинала, исказить выстроенную автором систему образов. По этой причине данный способ передачи реалий вымышленного мира остается одним из наименее частотных (в особенности данное утверждение верно для создания новой реалии-предмета).

Создание новой реалии-слова, в сущности, представляет собой подбор нового названия для уже существующей вымышленной реалии-предмета. В качестве примера можно рассмотреть следующие случаи передачи реалий вымышленного мира: Математические Нонны — *Mathematical Norms*; *The Hourly Radio* — Аурли Таймс; *Gamma Gazette* — Гамма Ньюс; *Aurora Bora Palace* — Полюсное сияние; *Scent and Colour Organ* — Эзотерический Орган. Несмотря на то, что вышеуказанные примеры переводов вымышленных реалий сохраняют некоторые элементы семантики оригинала, целиком они воспринимаются скорее как попытка вторичной номинации описываемых реалий, нежели как просто перевод исходной единицы. При этом стоит отметить, что создание новой вымышленной реалии с сохранением элементов семантики оригинала в определенном смысле напоминает модуляцию: мы можем выстроить определенную логическую связь между оригиналом и полученным вариантом перевода, например *Aurora Bora Palace* (название отеля из романа «О дивный новый мир») → отсылка к *aurora borealis* (полярное / северное сияние) → Полюсное сияние; Математические Нонны (название поэтического произведения из романа «Мы», повествующего о правилах арифметики) → произведение обучает школьников математическим правилам (нормам), к тому же само имя «Нонна» созвучно со словом «норма» → *Mathematical Norms*). Тем не менее, от обычной модуляции данный способ передачи вымышленных реалий отличается невозможностью выстроить прямую зависимость по типу «часть — целое», «причина — следствие», «изделие — материал» и т.д. Чтобы понять логику применения данного способа передачи вымышленных реалий, нам нужно глубже вникнуть в контекст произведения, подключить фоновые знания и попытаться посмотреть на оригинал глазами переводчика. Ко всему прочему, создание новой реалии с сохранением семантики оригинала может соприкасаться с такими способами передачи вымышленных реалий, как введение переводческого неологизма и имени собственного:

Bombay Green Rocket — ракета «Бомбейский экспресс»; Bank of Europe — Фордоевропейский банк. Вышеприведенные доводы дают нам основание полагать, что создание новой реалии-слова с сохранением элементов семантики оригинала стоит рассматривать скорее как самостоятельную комплексную лексико-грамматическую трансформацию, лишь отчасти напоминающую модуляцию. Также стоит отметить, что создание новой реалии-слова может происходить и с более существенным устранением семантики исходных лексических единиц, когда переводчик конструирует новую реалию-слово исходя из функции реалии-предмета, что в определенном смысле сближает данный способ передачи вымышленных реалий с описательным переводом: Community Singery — Дворец фордослужения / Общество фордопоклонников (в данном случае мы также наблюдаем применение переводческого неологизма).

Создание переводчиком новой реалии-предмета, в свою очередь, заключается в замене вымышленной реалии-предмета оригинала на реалию-предмет, сконструированную им самостоятельно, что отчасти напоминает адаптацию, но не всегда ею является (адаптация заключается в приближении восприятия текста перевода реципиентом перевода к восприятию оригинала реципиентом оригинала, что не является обязательной целью создания новой реалии-предмета). Примером создания новой реалии-предмета в целях адаптации может послужить перевод реалии Escalator Squash из романа О. Хаксли «О дивный новый мир», которая была передана переводчиком как «Эскалаторный Смашбол». В сущности, переводчик придумал собственный вид спорта (смашбол), которого нет ни в мире оригинала, ни в реальности. Тем не менее, данный вариант перевода является оправданным: русскоязычный реципиент перевода может быть не знаком со сквошем (спортивная игра, в которую играют мячом и ракеткой в закрытом помещении), в то время как полученный вариант перевода сохраняет футуристичность оригинала и предельно ясно дает понять, что речь идет именно о некоем виде спорта (окончание «-бол»). Еще одним примером создания новой реалии-предмета является перевод следующего фрагмента текста из того же романа: “Turning towards him, «What were you playing this afternoon?» the girl on his left enquired. «Obstacle, or Electro-magnetic?»”. Под Obstacle и Electro-magnetic в оригинале имеются в виду названия видов гольфа, которые ранее упоминаются в тексте произведения. При переводе на русский язык данный фрагмент текста претерпел существенные изменения: «Девушка, сидевшая слева от Бернарда, повернулась к нему. — На чем ты сегодня играл? — спросила она. — На копулятивном кис-

лофоне или на клиторической гитаре?». Таким образом, реалии *obstacle golf* и *electro-magnetic golf* были заменены на реалии «копулятивный кислорон» и «клиторическая гитара». Как можно убедиться, ознакомившись с предложенными фрагментами текста, в данном случае создание новой реалии-предмета привело к существенному искажению образности и тональности оригинала: футуристичная разновидность гольфа превратилась в, по-видимому, инструмент плотских утех. При этом трудно определить, какими именно соображениями руководствовался переводчик, вводя в мир и текст произведения вышеуказанные реалии. Как было отмечено выше, реалии *obstacle golf* и *electro-magnetic golf* встречаются в тексте неоднократно, при этом автор анализируемого перевода ранее передал их как «штурмовой гольф» и «электромагнитный гольф» соответственно. Иными словами, не до конца понятно, почему автор данного перевода отказался от передачи уже знакомых ему вымышленных реалий в данном фрагменте текста. По этой же причине данный пример перевода трудно назвать адаптацией: встает вопрос, действительно ли клиторическая гитара окажется более доступной для интерпретации русскоязычным реципиентом перевода, чем электромагнитный гольф. Таким образом, единственным очевидным объяснением данного решения может послужить творческий подход переводчика к передаче исходных реалий, его желание привнести в мир произведения частичку себя.

Мы считаем возможным заключить, что создание новой реалии — это целиком творческий процесс, при этом мотивы применения данного способа передачи вымышленных реалий могут быть различными: от простого желания «приукрасить» оригинал (когда переводчику просто кажется, что так будет лучше) до попытки эксплицировать неявно выраженные элементы смысла (ср. *Aurora Bora Palace*, Дворец Авроры Боры и Полусное сияние). Создание новой реалий также может быть применено и при адаптации текста, если вымышленная реалия имеет тесную связь с феноменами культуры автора, которые могут отсутствовать в языковом и культурном опыте реципиентов оригинала. Несмотря на конкретный мотив применения данного способа передачи вымышленных реалий, неизменным остается одно: создание новой реалии напрямую обусловлено личностью переводчика и его видением оригинала. С этим обстоятельством связана и основная опасность создания новой реалии, о которой мы упоминали ранее: риск исказить систему образов оригинала. В связи с этим данный способ передачи вымышленных реалий должен применяться с особой осторожностью, особенно если речь идет о создании новой реалии-предмета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова И.А., Рогатова С.В. Функции полных и частичных квазиреалий в формировании автором образов искусственно созданной литературной вселенной // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 153–157.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
6. Тараканова Ю.Е. Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдбери на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2009. № 1. С. 294–299.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков. СПб., М., 2002.
8. Loponen M. Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures // Chinese Semiotic Studies. 2009. Vol. 2. No 1. P. 165–175.

Khalid U. Yusupov

TRANSLATING SPECULATIVE FICTION: CREATING NEW FICTIONAL REALIA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, khalid.iusupov@yandex.ru

Abstract. The article explores creation of new fictional realia as a translation technique. Fictional realia are defined as a special kind of linguistic realia, also known as quasirealia or irrealia, which describes various aspects of fictional worlds: flora and fauna, everyday life, social and political structure, etc. New realia creation involves incorporation of new lexical units in a translated text, which may remain semantically connected with the original realia and its referent or eliminate the connection completely. When the new realia preserve the connection with the original lexical units and their referents, we observe the creation of a new realia-word, which may be categorized as an attempt to redesignate the original realia, rather than a direct translation. This type of realia creation is somewhat similar to modulation, but differs from it due to the impossibility to establish direct logical links, such as “part and whole”, “cause and effect”, etc. Elimination of the aforementioned connections leads to the creation of a new realia-object, the translator’s own invention, which is absent in the original text and the corresponding fictional world. Creation of a new realia-word may resemble adaptation, but it does not necessarily share the same goal. In both cases, creation of new realia is a creative process, which is heavily dependent on the translator’s personality, their own vision. Creation of new realia is demonstrated through the analysis of the translations of fictional realia from “We” by Y. Zamyatin, “Brave New World” by A. Huxley, and “1984” by G. Orwell.

Key words: fictional realia; irrealia; quasi-realialia; realia; speculative fiction; translation.

For citation: Yusupov K.U. (2023) Translating speculative fiction: creating new fictional realia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 107–115. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Khalid U. Yusupov — a post-graduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; khalid.iusupov@yandex.ru

REFERENCES

1. Bubnova I.A., Rogatova S.V. 2022. Funktsii polnykh i chastichnykh kvazirealiy v formirovaniy avtorom obrazov iskusstvenno sozdannoy literaturnoy vselennoy [The functions of complete and partial quasi-realities in the formation of the author's images of an artificially created literary universe]. *Cognitive studies of language*, no. 3, pp. 153–157. (In Russ.)
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1990. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, Russkiy yazyk. (In Russ.)
3. Vlahov S., Florin S. 1980 *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
4. Komissarov V.N. 1990. *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Translation studies (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Kornilov O.A. 2003. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow, CheRo. (In Russ.)
6. Tarakanova Y.E. 2007 Kvazirealii kak leksicheskii element nauchno-fantasticheskogo teksta na primere perevoda rasskaza "Fevral' 1999: Illa" Reya Bredberi na russkii yazyk [Quasirealities as a lexical element of a science-fiction text based on the Russian translation of the Ray Bradbury's story "February 1999: Ylla"]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 1, pp. 294–299. (In Russ.)
7. Fedorov A.V. 2002. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [General translation studies (linguistic issues): for institutes and departments of foreign languages]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow, Izdatel'skiy Dom «FILOLOGIYA TRI». (In Russ.)
8. Lopenen M. 2009 Translating irrealia: Creating a semiotic framework for the translation of fictional cultures. *Chinese Semiotic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 165–175.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 12.10.2022

The article was submitted 03.09.2022;
approved after reviewing 03.10.2022;
accepted for publication 12.10.2022